

Николай Лугинов,
народный писатель РС(Я)

В преддверии перемен*

(Повесть третья)

14. Сёгун и его полководцы

Сёгун был доволен уже тем, что теперь, дождавшись гонца и получив приказ, оказалось: он выиграл много времени, потому что интуитивно принял верное решение, направив основные войска на северо-запад, позволив им самостоятельно выбирать себе путь по зеленым пастбищам. Это оказалось выгодным уже потому, что удалось сохранить силу и боеспособность конницы, и сейчас она легко сможет перенести дальние переходы. Благодаря этому Турар со своими четырьмя сотнями за пять дней сумел преодолеть около 25 кёс и почти нагнал неторопоко передвигающиеся, кочующие мегены.

Спешно вызванные срочными посыльными, оба мегеня, старый и юный, предстали перед кёс-сёгуном.

Турар невольно усмехнулся, увидев их перед собой, но скрыл улыбку. Старый мегеней оставался всё таким же юрким и глазастым, как белка, и было видно, что в его голове постоянно вспыхивает множество коротких мыслей, возникает куча вопросов, а следом за ними и сумасбродных идей. Все они, промелькнув, также быстро гасли, как и появлялись, уступая место толкающимся локтями очередным мыслишкам-нахалам. Турару всякий раз удивительно было наблюдать за своим ровесником, сохранившим чрезвычайно живой интерес ко всему окружающему его в мире. Каким же образом умудрился он остаться таким отроком, не старше? Его детская непосредственность, не притупленное опытом острое восприятие окружающего, были необъяснимы. Обычно же от приобретенного опыта прожитой жизни, обретенных знаний и памяти о всевозможных событиях интерес к происходящему постепенно тускнеет. И всё потому, что про многие вроде бы новые начинания ты заранее знаешь, чем они закончатся, поэтому особо не горишь, не торопишься верить свежим якобы идеям...

Сегун долго вглядывался в своих подчиненных, они оба были ему любопытны. С Батамаем они начинали службу в незапамятные времена, но понять его и за все эти годы оказалось невозможно. Никогда нельзя было предположить, что он сейчас выкинет... Таким же теперь - не вполне понятным в его новой роли - был для него и собственный внук Бабыр, который сейчас стоял перед дедом, вытянувшись во весь рост: молчаливый генерал, ничем не проявляющий своих чувств перед начальником...

Когда молчание затянулось, Батамай всё же не выдержал и стал выказывать свое нетерпение, переминаясь с ноги на ногу и дерзко вглядываясь в лицо командующего. Но его ожидание было без напряжения и особого волнения, простое любопытство разбирало этого явно зажившегося «молодого» человека.

– Ну что, командующие, войска готовы к срочным действиям? – прервал молчание Турар.

– Первый меген готов к любым действиям! – тут же выпалил Батамай. – Только прикажите.

– Второй меген готов... – неспешно и степенно пробасил Бабыр.

– Очень хорошо. Итак, наша цель – саратаи...

– А что саратаи?.. Да у них же и без нас полный развал. Чего их-то завоевывать? – Батамай не смог сдержать разочарование. – А я-то рассчитывал на достойного противника...

Батамай на полуслове запнулся, встретив строгий взгляд сегуна.

«Ну что за командующий!.. До седых волос не научился даже дослушать приказ, а пускается в рассуждения... Впрочем, ему уже поздно учиться, – с раздражением подумал сегун, но сдержался от замечания. – Впрочем, сам виноват. Кто его всю жизнь таскает на своем хвосте?.. В ином приличном месте такому балаболу вряд ли доверили бы и десяток воинов...»

– Так вот – саратаи... – изо всех сил подавляя раздражение, чтобы не вступить в перепалку, продолжил сёгун. – У них накопились долги перед нашей казной, нам приказано собрать недоимки прошлых лет. Если не окажется ценностей в казне, что весьма возможно, нам придется изъять их у местных богачей. А сделать это подобающим образом, без всеобщего разорения – задача сложная...

Батамай опять, видимо, хотел вставить какую-то очередную ахинею, но почему-то остановился и только неопределенно хмыкнул, с видимым усилием промолчал. «Какой подарок, что хоть на этот раз сумел сдержаться, – иронично посмотрел на него сегун, отметив несвойственный ему и прямо-таки недюжинный подвиг... – Смотри-ка, так и научится. Хотя навряд ли...»

«Ох, если бы услышал Батамай эти уничижительные мысли мои в свой адрес, то обиделся бы на всю оставшуюся жизнь, а может и всю прошлую перечеркнул. Ведь он считает себя незаурядным стратегом. Он участвовал почти во всех знаменитых походах, правда, больше в хвосте армии... Но с годами, после ухода в мир иной главных героев тех побед, он вначале осторожно, как бы ненароком, но стал выдвигать на первое место свою роль. Да очень выгодно жить долго и пережить свидетелей былых свершений, а особенно твоих ошибок, всех, кто может одернуть, поправить, поставить на место... Правда, у Батамая, к его великому сожалению, всё еще остались два неудобных свидетеля: я и старый китаец У Хуан, который, как назло, помнит подробности всех кампаний до мельчайших подробностей. В отличие от меня, китаец не смолчит, он не терпит даже малейшей неточности, тут же прилюдно разоблачит и пристыдит...»

Старый сёгун, недовольный собой за неуместно длинные промежутки в речи, для виду откашлялся и продолжил:

– Это сложное дело, и я решил доверить его опытному и мудрому старому полководцу Батамаю...

От этих слов Батамай аж дёрнулся и прямо-таки зарделся весь от радостного волнения... По привычке он, видимо, захотел что-то уточнить или спросить, но сдержался, лишь озабоченно почесал облысевший затылок.

– Очень хорошо получилось, что мы своевременно и скрытно выдвинулись на северо-запад. Значит, стали заметно ближе к Саратаю. Куда они кинутся в случае

возникшей опасности? По нашим данным, их малочисленные части стоят только по северным окраинам своих владений. Поэтому поступим таким образом...– Тут сёгун приценивающе взглянул на внука. – Бабыр, зайдя с тыла и полукругом развернув войска в сторону возможного бегства саратаев, должен будет ждать их, как бы в засаде. А Батамай мгновенным быстрым переходом выдвинется, охватывая их с северо-запада. Они в панике попытаются спастись на юго-востоке. Пусть бегут, в горячих песках им некуда деться... Главное, отрезать пути отхода на запад, к предгорьям, вот где они смогут затеряться...

Сёгун с удовлетворением заметил, что его приказ попал на благодатную почву внимания, обоим командующим он был по-видимому ясен.

– Ставлю задачу: организовать дело так, чтобы обойтись без потерь. Это главное. Нам дорога каждая лошадь, а еще бесценнее – воин. Ибо воинов мы не набираем на стороне. И вы это хорошо знаете. Они у нас свои и влились с девятилетнего возраста в наши ряды. Ни в коем случае не рисковать людьми, не посылать туда, где возможны засады. Не лениться выставлять передовые и боковые охранения. И не преувеличивайте свои силы! Поняли?

– Так точно...

– Но главное, вот что... При выдвижении к городу ты, Батамай, между отрядами оставляй открытые места. Цель проста: дать возможность саратаям убежать. Никого не преследовать, не мелочиться. Пусть бегут, здесь далеко не убежишь. Ты, Бабыр, тоже самое делай. Твоя главная задача – захватывать крупные караваны-обозы, в которых, возможно, будут вывозить ценности. А с пустыми руками – пусть бегут. Не разменивайтесь на мелкие отряды, на нищих беженцев. Мы не грабители. Мы пришли за своим! И очень надеюсь, что наемники, увидев бесполезность сопротивления, не вступят в бой. Поэтому дело надо вести так, чтобы стремительностью и неожиданностью сразу сломить сопротивление. Но запомните, никогда не доводите противника до безысходного состояния. Путь к спасению должен быть для них всегда открыт. Иначе принудите их к бессмысленной обороне, а это нам ни к чему. Особенно это касается туркменонаемников, они доблестные воины, верные слову и присяге. Не нужно испытывать их терпение. Пусть уходят.

– Но они ныне пешие. Кони, отпущенные на горные пастбища, нами уже угнаны.

– Это очень хорошо. Но, тем не менее, им надо дать уйти. Как это сделать, Батамай, ты, конечно, знаешь. А если забыл, напомним: оставляйте им открытые фланги, заранее предусмотрев, чтоб там не было наших обозов. Бабыр, будь осторожен. Не забудь с севера выставить караулы.

– А что, могут вызвать подмогу? – спросил внук.

– А почему бы и нет? Золото – вещь привлекательная, его всякому хочется. Поэтому лучше быть начеку. Батамай, когда займешь город, то дай мне знать, я со своими сотнями подойду с юга. И вот еще что... Придется мне опять напомнить – не переусердствуй. Выполняй всё точно в срок, понял? Чтобы мы действовали слаженно.

– Понял... Я давно понял... – старик стушевался и опять почесал голый затылок.

– Это я к тому, что нам ни к чему наживать лишних врагов. Мы врываемся в их жизнь по государственной необходимости, в том не они сами повинны, а их правители и пустая казна, поэтому мы должны вытребовать только недоимки прошлых лет, но не более. Об этом все должны знать... И никаких излишеств в применении силы. Кто сопротивляется, не подчиняется – применяйте силу, заставьте смириться, а с остальными постарайтесь мирно договориться. Всё. Я сказал!

– Вы сказали, мы услышали!

15. Раздумья об участии Саратая

Когда мегенеи ушли, он позволил себе улыбнуться, покрутил головой: какие же они разные! Один уже преклонных лет, но какая живость, непосредственность во всём, даже и все его мысли явно отражаются на лице, как у ребенка. Ничего не может скрыть, поэтому его всегда можно разыграть, чем и пользуются. А другой хоть и юноша, но неприступен, как камень. Что он про себя думает, согласен или против – не поймешь. Немногословен как, скажи, умудрённый жизнью и суровым опытом старик. И в кого он такой пошел? Наверное, в этом случае в мать с её благородной родословной, и это не сулит ему спокойной жизни. Как и в наследстве от Арслана, от самого сёгуна: в нем кровь древнего рода, а она несет в себе слишком много сурового и драматического. Беспокойное у них племя, многих кровавых распрей они были зачинателями, и вся безбрежная степь усеяна их костями; а сколько погибло соперников из других племен и родов, попавших им под горячую руку – это и вовсе неизвестно, один Всевышний тому свидетель.

Со стороны кажется, что у всех правителей мира очень уверенная в себе поступь. А на поверку оказывается, что и они не вольны. Незавидный у них удел: всю жизнь делать вид, что всё решается ими. Человек, попавший в сферу их влияния, теряет свою волю и личную судьбу, становясь всего лишь придатком, инструментом их деяний. Каких бы ты ни достиг чинов, званий и должностей, но вне их круга влияния – ты ничего не значащее ничтожество.

– Избави, Тэнгри, от слишком своевольных правителей... – так хочется взмолиться на старости лет. Но вряд ли доходят туда наши просьбы.

По настоянию покойного Усумана первой и единственной женой Арслана стала племянница саархаана по восточной линии Майа-Хотун. Юная, но своенравная и даже суровая девочка, она-то и стала матерью Акола и Бабыра.

Бабыр весь в неё, а вот Акол совсем другой. С малых лет он словно носит в себе некую думу, заботу о проявлении в этом низшем мире высших смыслов, о должном устройении всего сущего. Простому смертному трудно помыслить об огромности этих забот, которые возложены на людей высокого предназначения, вплоть до определения судьбы родов, а то и целых народов, распределения, кому где кочевать, какими землями владеть... И потому, наверное, особо избранные и посылаются в мир, что дела эти изначально греховные, - притом, что человеку самому невозможно определить должную меру праведности и справедливости. И разве можно в оправдание себе на бога ссылаться, что, мол, они проводники божьего промысла?

Нам, живущим без особого предназначения и, что весьма возможно, отчитываемся перед Всевышним не каждый отдельно, а скопом, понять естественность таких объяснений вряд ли возможно. Да нам этого и не нужно. Хотя, попадая в водоворот их высокого предназначения, как вынужденно выпало это и Турару, никуда не денешься – примешь участие во всех их праведных и неправедных свершениях. А Божий суд потом скажет, какие были чаще.

Утешение только в том, что мы делаем всё это подневольно. От нас почти ничего вроде бы не зависит. Но это «почти ничего» очень тяготит нашу совесть... И можно

счесть это за лазейку, которая даёт возможность не всегда безоговорочно подчиняться избранным. Но во благо ли будет в таком случае послушание?

Поэтому спрашивать с нас за их грехи вроде бы и не должны... Но сколько ни думай об этом, полной уверенности всё равно не будет. Как ни всемогуща господская воля, которая всё может перевернуть в этом мире, но кто может поручиться, что все её деяния праведны? Вот и получается, что, служа им, и нам приходится совершать множество грехов. В ратном деле как без насилия? Без этого нельзя победить армии противника, захватить и подчинить себе города. И как обойтись без публичных казней и наказаний для устрашения побеждённых? Они необходимы, как самый действенный способ умирения, и только принося в жертву сравнительно немногих, удаётся добиться подчинения большинства, хотя куда лучше обойтись без этого.

Нет, дело это чрезвычайно тонкое. Несведущий человек может подумать: «Хорошо бы обходиться только добром и лаской». Хорошо-то хорошо, но на деле такое действие часто может быть воспринято как слабость и обернётся вместо нескольких смертей ещё большей бедой, приведет к гибели тысяч, когда придется усмирять, скажем, восставший народ.

Старому Турару вообще-то не нравилось решение саархаана захватить Саратай силой, чтобы вернуть недоимки прошлых лет... Это обязательно повлечет сопротивление, и очень трудно будет удержать армию в чужих владениях, принудить ее вести себя пристойно. Но в этом он может признаться только себе.

Существует множество мирных способов давления на должников, и именно такими способами надо прежде всего пробовать получить долги. Непонятно, чем они в штабе руководствовались при принятии решения. Но им, видимо, показалось, что избран самый легкий и быстрый путь. Хорошо, сейчас недоимки соберём. А что будет потом? Как и без того разрушенное государство будет жить? Каким образом оно потом будет собирать и отдавать нам налоги? А если народ вообще разбежится? Расчет на то, что золото их земли все равно притянет новых искателей богатств и приключений – очень сомнителен. Ибо это будет уже не народ и не государство, а пространство, на котором правят кучки разнородных банд, и с них никаким, даже и вооружённым способом ничего не возьмёшь... Они нагрябят и исчезнут, а если даже и поймаешь их, то всегда трудно доказать, кто из них что делал. Такое положение дел вынудит ловить, наказывать, даже истреблять их едва ли не поголовно. А это значит, что под меч с двумя-тремя бандитами могут попасть десять невинных... Это для нас, исполнителей, тяжкий грех. И об этом начинаешь год от года думать всё чаще. А как иначе? Кто будет держать ответ перед Тэнгри? Не саархаан же один... Конечно, и непосредственные исполнители тоже. А кто приказ окончательный отдаёт? Нет, не Генштаб, который лишь принимает общее решение, а сёгун... Бедный бесправный сёгун, зажатый со всех сторон всевозможными требованиями. На деле, выходит, это он кругом виноват – и перед людьми, и даже перед Всевышним...

В случае с Саратаем существует давно опробованный способ. Можно поставить своего правителя с кучкой местных сторонников вокруг, следящих за исполнением всех его распоряжений в стране. А до тех пор, пока он не укрепится, чтобы расставить везде своих верных людей, обеспечивающих порядок, необходимо оставить на горных пастбищах неподалёку несколько наших сотен для моральной поддержки... да, хватило бы для этого всего четырех-пяти сюнов, чтобы пресекать попытки сопротивления или

переворота. И гораздо меньше потерь в итоге, и налоги собирались бы в срок, из которых и следует нам договорённая дань.

Нам скажут, что нельзя влезать в чужие государственные дела. Мол, ваше дело не государственную политику строить, а охранять ту, которая есть, а то и пограбить, кого укажут... Но куда лучше действовать, обдумав всё, и не допускать, чтобы раздор у соседей вышел из-под контроля, - а мы допустили... Какова наша цель? Нам нужна устойчивая власть в Саратае, чтобы было с чего получать дань. Для этого надо или дождаться, когда передерутся и утихомятся все претенденты на власть, или сразу поставить своего правителя. Но как тут найдешь достойного, когда кругом разбойник на разбойнике? А искать надо, другого выхода нет, иначе в будущем трудностей не оберёшься. Да и народ жалко. Не виноват он, что из-за извечной человеческой жажды наживы попал, считай, в руки разбойников, привлечённых богатствами этой земли – золотом, серебром, драгоценными камнями. Вроде всего-то и забот: договоритесь друг с другом, организуйте добычу, гоните караваны в Китай и живите припеваючи. Так нет же, поделить добром они не могут...

Тут Турар вспомнил одного своего бывшего ставленника, которому когда-то помог взойти на престол Саратая. При нем многое выправилось в лучшую сторону, сложились хоть и слабые, но всё же основы государства, наведён был маломальский порядок.

И как же его звали?.. Кажется, Отор... Нет-нет, Окун! Да, именно Окун! Как бы его найти и снова посадить на трон... Но где его найдешь после изгнания, да и, скорее всего, убили его. Но надо распорядиться о поиске, пусть, вдруг да найдут. Это может хорошо помочь нам в дальнейшем. Разбойничьему Саратаю нужен именно такой бы предводитель, который всех проведет за нос, всех обманет, но и всех уговорит-уломает, со всеми найдет общий язык и, в конечном результате, утихомирит всех малых, средних и крупных бандитов.

16. История Саратая

Недолга история Саратая, еще каких-нибудь тридцать лет назад никто и слыхом не слыхивал о таком государстве...

А дело было так. Основатели Саратая построили свое новое государство не на богатстве, тогда его еще не было, а на человеческой алчности и жажде быстро разбогатеть. На выбранном для поселения месте, на этих голых камнях, ничего нельзя было вырастить – засушливым летом все выгорало, а суровыми зимними ветрами все заметало снегом. Зелень бывала здесь лишь в короткий период ранней весны, до прихода летней жары, и поздней осенью, в период дождей. До основания Саратая эти пустынные места обходили даже немногочисленные кочевые племена.

Но полвека назад узнали люди, что предгорья эти богаты ценным в Китае и якобы приносящим счастье мягким камнем нефритом. В великой стране, где народу было очень много, а счастья крайне мало, не хватало его на всех, эта новость сработала как призыв идти туда и грести это счастье лопатой... И ушлые люди, решив нагреть на этом руки, действовали решительно: понавозили рабов и основали у речушки поселение, которое быстро стало разрастаться.

Спрос на нефрит увеличивался год от года, со временем обнаружили тут и другие редкие камни. Торговля оживлялась, до главного потребителя – Китая – был проложен круглогодичный караванный путь.

Где-то на седьмом году с основания поселения недалеко обнаружили залежи серебра, а еще через пару лет – очень богатое месторождение россыпного золота. Новость о золоте мгновенно достигла самых далеких окраин, и отовсюду устремились в Саратай люди вполне определённого поведения и характера, единственным стремлением которых было разбогатеть легко и быстро. А потому стремительно и до неузнаваемости изменился сам Саратай. Население его выросло в несколько раз, возле горных месторождений образовались десятки новых поселений.

Подавляющее большинство жителей состояло из случайных людей, по собственному желанию оторвавшихся от родовых корней, либо изгнанных за какую-то вину проходимцев, склонных ко всякого рода махинациям, воровству, мотовству и разбоям. Понятно, что долго и спокойно жить в этих местах ни у кого не получалось.

Это и подтолкнуло население к самоорганизации, родилось что-то, похожее на государство. Появились вооруженные люди, не грабившие, а следящие за порядком, суды, а следом даже и подобие армии. Но солдаты, набранные из своих же, не связанных никакими общими интересами бродяг, тут же стали грабить всех подряд, подразделения её превращались, по сути, в отдельные банды. Попытки власти усмирить, привести в подчинение свою же бывшую армию, ставшую вдруг чем-то вроде повстанческой, ни к чему не приводили, главари не поддавались никаким увещаниям. Правители скоро поняли, что опасно иметь под боком вооруженных людей, готовых в любой миг поднять бунт. А перевороты и предательства случались в Саратае довольно часто, из-за них погибало множество людей; впрочем, население все равно постоянно увеличивалось за счет новых бродяг.

Очередные правители, захватившие власть с превеликим трудом и наученные горьким опытом предыдущих, разогнали остатки старой армии, собранной из местных жителей, причем многие солдаты сразу же стали разбойниками. Новые правители не пожалели денег и пригласили наемников из окраинных кочевых племен. Наемники, крепко связанные между собой родовыми устоями, оказались на редкость исполнительными и послушными, надежными и верными служаками.

Но всё равно если в первые годы существования Саратая правители удерживались на троне года по три, то после обнаружения золота и начала его добычи перевороты происходили чуть ли не ежегодно. Один из таких переворотов удалось произвести человеку по имени Окун.

Как оказалось, Турар его до этого хорошо знал. Он был выходцем из одного северо-западного племени и, кажется, даже принадлежал к числу беглых поселенцев. Рано убежав из дома, скитался по разным городам, вместе с караванами объездил множество земель. И в одно время каким-то образом прибил к армии Турара. Сначала был в качестве проводника, а затем, заслужив доверие, стал помощником у торговых поверенных армии, добывал продовольствие и фураж. Но вскоре этому непоседе наскучила однообразная армейская служба, и он упросил отпустить его, хотя вполне, по своему обыкновению, мог бы тихо исчезнуть, однажды не вернувшись с деловой поездки – мало ли что, мол, могло с ним произойти... Но он решил сохранить хорошие отношения с командующим хуннов. И впоследствии, в самые решающие дни борьбы за власть, это ему очень помогло.

А случилось всё так: после службы в хуннской армии Окун некоторое время скитался по караванным путям, а затем оказался в Саратае. Благодаря остроте ума, знанию языков и опыту путешественника, он снискал доверие очередного правителя. Дождавшись

смутного времени, когда восставшие свергли попечителя, он ловко подстроил всё так, что в правители выдвинули его... Борьба была нешуточной, с обязательным и обильным в тех местах кровопролитием. Для окончательной победы и удержания власти Окуну не хватало если не простой грубой силы, то хотя бы обязательства о сотрудничестве, союзе с сильными мира сего.

На его счастье, в ту осень мимо Саратая проходило хуннское войско, с тяжелой добычей возвращавшееся из очередного похода. Окун сумел пробиться к сегуну Турару, который признал его и, конечно же, поддержал. Этого было достаточно, чтобы Окун безоговорочно стал правителем Саратая.

17. Окун, бывший правитель Саратая

Внешне Окун был довольно невзрачным: малорослый, худощавый. А вот в поведении был весьма подвижен – и в жестах резких, в ходьбе, и в скорости соображения, смекалки, природной хитрости. И хотя особо не отличался красноречием, но каким-то вот образом умел приковать к себе внимание окружающих, а при необходимости убедить их согласиться со своим мнением. Со всеми этими особенностями и свойствами он мог стать правителем только в Саратае, население которого состояло в основном из бродяг и отщепенцев, утеравших связь с родными, к тому же и собравшихся вместе совсем недавно, в последние несколько десятилетий.

Любое племя, сохранившее свои древние родовые устои, намного сильнее утеравшего их, а тем более и вовсе не имеющего общих обычаев людского сброда. И пусть временно это новое столпотворение народов будет богаче самого богатого и казаться сильнее самого сильного рода, но останутся эти толпы всего лишь тем же сбродом. Ибо родовые взаимоотношения не только скрепляют взаимозависимостью и усиливают взаимовыручкой, но и пронизывают каждого члена рода множеством морально-нравственных неписаных обязательств и законов, преступать которые никому не дозволяется, а значит, такой человеческий корешок цепляется за землю с удесятеренной силой.

Внутри рода каждый, кроме обязанностей, ощущает при любых жизненных обстоятельствах и свою защищённость. Если он не преступит через установленные для всех морально-нравственные устои, он никогда не будет покинут, брошен, забыт, его всегда защитят. Кажущаяся тягота ответственности перед родом на самом деле стимулирует проявление только положительных, поощряемых обществом качеств и подавляет или сдерживает проявление отрицательных и опасных для окружающих срывов поведения.

А так как история рода состоит из общей памяти её членов, судьба каждого человека должна наилучшим образом вписаться в общее летописание, по возможности становясь ее украшением и гордостью. Любое же поведенческое послабление себе, а тем более вольность чревата изгнанием. А стать отщепенцем не то же самое, что отшельником. Отщепенец опасен и себе, и другим.

Поэтому с одной стороны ты защищен, с другой же стороны – ты весь в долгах перед родом. И пока в силах, обязан и должен служить, защищать, отстаивать интересы рода – а это ведь тоже несладко. К тому же в роду существует строгая иерархия, у каждого свое определенное место, которое становится твоим сразу же после рождения – по

положению родителей в роду. И в течение жизни вполне возможно и его изменение - в зависимости от личных достоинств, достигнутых успехов или даже от какого-то исключительного случая; но очень редко такое случается.

В роду каждый человек на виду – соплеменники знают все не только о нем, а еще и о предках его на несколько поколений вглубь. Потому не только характер, но и поведение любого выдвигенца заранее предсказуемо. При такой глубокой оценке почти никогда не может быть неожиданностей и ошибок.

У саратаев ничего подобного и быть не могло. Все жили вне рода – вольные, свободные люди, независимые от каких-либо общих правил. Никто ничего и никому здесь не был должен, каждый отвечал только сам за себя... Попал в беду и сумел справиться сам – считай, повезло... Не хватило силенок – никто тебе не поможет. Ибо их, съехавшихся сюда со всего света, ничто не объединяло, кроме жажды наживы. Стремление быстро и любой ценой разбогатеть людей никак не сплачивало, каждый из них ради призрачного богатства бросил на родине всё, что было прежде самым дорогим. Они променяли на обещанные себе «золотые горы» любовь ближних, семью и дом, род свой. Некоторые, немного подзаработав или потерпев крах, всё-таки возвращались назад. Но таких было ничтожное меньшинство, остальные же так или иначе оседали здесь, вливаясь в толпы постоянных жителей Саратая, окончательно затерявшись в них, нередко пропадая неизвестно по какой причине...

Странно, что все они приезжали на время, почти никто не собирался оставаться тут насовсем, рассчитывая при первой же возможности, поднакопив дохода, уехать отсюда, чтобы никогда не возвращаться. Но с каждым годом возможностей быстрого обогащения становилось всё меньше, а бездонный омут жадности затягивал всё сильнее.

Да, многие, очень многие сложили горячие головы в погоне за мнимым богатством. А те удачники-счастливицы, которые достигли столь чаемого обогащения, из-за страха быть ограбленными живут в тесном окружении охраны, в каменных казематах домов-крепостей, как в тюрьме, не зная вольного воздуха, почти не имея возможности свободно передвигаться. Ибо если в этом разбойничьем краю чуть зазеваешься, то сразу очутишься в лапах у бандитов, которые вчера еще были твоими соседями или даже поделщиками.

Из наживших состояние в Саратае мало кто доживал до старости, а еще меньше – умирал своей смертью. Как правило, и наследники из того же авантюрного племени не умели сохранить, а тем более приумножить нажитое, и сразу пускали всё по ветру... Так и перетекали эти богатства от одних к другим, никому не принося счастья и покоя, только делаясь всё грязнее...

Удивило тогда Турара то, как это сборище грабителей с большой дороги сумело преподнести окружающим странам свою банду как обычное благочестивое государство. Ввели даже некое подобие законов, утвердили правила поведения и завели подразделения людей, следящих за порядком, охраняющих общественный покой. Делалось вроде бы всё правильно, да только не было у них никакого понятия о незыблемости родовых устоев и об ответственности перед соотечественниками. Почувствовав свою узаконенную силу, новые охранники тут же начали обирать всех подряд, особенно тяжело пришлось состоятельным людям, которые их сами и выдвинули. Богатым срочно пришлось договариваться с кочевыми племенами, чтобы они за солидное вознаграждение, собранное со всего населения, навели порядок и следили за ним впредь.

Было опасение, что чужеземцы, ничем не связанные с местным населением, тоже начнут грабить. Но те оказались несравненно надежнее и благоразумнее предыдущей

охраны. Худшие опасения не оправдались: чужаки получали свою плату и занимались только общественной безопасностью, стараясь держаться подальше от внутренних распрей саратайцев. Редкие случаи разбоя среди своих же людей ими жёстко пресекались, а с правителями Саратая наемники всегда были учтивы, четко и честно следуя букве договора.

Пришло время, и с общего согласия руками наемников был побежден бандитизм и разбой. Попавшихся на грабежах казнили при большом стечении народа. Успели даже прописать в законах некоторые виды наказания, в зависимости от тяжести преступления человек приговаривался, скажем, к отсечению пальцев, рук или ног, а то и головы. И тут наемники проявили свою особую непримиримость: никакие доводы преступников в свою пользу, чтобы смягчить наказание, ими не принимались. Кстати, все это было четко оговорено в соглашении, а потому оставалось неоспоримым.

Рассказывают, что однажды при ночном грабеже среди других попался с поличным сын богатого купца, за которого отец предложил крупную сумму. Многие юнца поддержали, заступились за него и поручились в дальнейшем за его благонадёжность, но судьи были непреклонны. Виновника обезглавили вместе с соучастниками.

Удивительным для саратайцев стало такое педантичное соблюдение каждой статьи договора, ими же написанного, но вряд ли они ожидали столь четкого его исполнения. На свою голову они так жестко оговорили все возможные мелочи, что и рады были и не рады теперь столь непреклонному их исполнению со стороны наемников. Именно эта особенность кочевников и делала их надежными союзниками.

После беспощадного подавления мелкого бандитизма жизнь стала постепенно налаживаться. Ибо крупные разбойники, давно разбогатевшие и остепенившиеся, стали уважаемыми людьми Саратая.

18. Осада Саратая

Бабыр выдвинул свой меген с юга, осторожно приблизился к саратайским владениям и рассредоточил войско в засаде на наиболее вероятных путях отступления противника. Помня о совете деда, он заранее распорядился: особое внимание уделять северной стороне, во избежание оттуда возможной помощи саратаям.

Батамай же, наоборот, повернул с севера на юг. Подняв свой меген по тревоге, срочно выдвинулся к заранее разведанным окраинам Саратая, до которых ему было рукой подать: всего-то пятьдесят ли¹ по китайским меркам, по-хуннским же совсем ничего – два с половиной кёс². С первого же продвижения он отсек от основного городского поселения около ста всадников-наемников, обычное количество охраны для этого времени года. Остальные четыре их сотни с наступлением весны были отпущены домой до начала осени.

Своим быстрым переходом Батамаю удалось избежать прямого столкновения с наемниками и возможного кровопролития: несмотря на малочисленность, их нанимали для защиты не зря, прекрасная боевая выучка сочеталась у кочевников с отличной

¹ Ли – мера длины по-китайски – примерно 0,5 км.

²Кёс – мера длины по-хуннски – один час езды верхом на лошади (10 км).

дисциплиной и упорством в бою. С наступлением сумерек Батамай пригласил командующего наемников на переговоры. Оба командира встретились на ничейной земле.

Наёмник оказался почти ровесником Батамая и был очень удручён созданным положением. Особенно после предложения хунна:

– Предлагаем вам разойтись с миром. Дорога на север для вас открыта. Мы не намерены вас преследовать.

– Всё бы хорошо, но бросив на произвол саратаев, мы потеряем доброе имя, - упёрся тот. - У нас же договор. Мы не можем оставить их в беде. Мы не уйдем.

– А что делать? Вас мало, биться с нами дело безнадежное. Ты только зря положишь своих людей. Пожалей лучше своих воинов.

– Так-то оно так... – всё сомневался тот. – Но ты и нас пойми, у нас же договор.

– Да что ты договором своим мне голову морочишь! Мы же не грабить пришли, у нас с ними тоже договор, по которому они должны платить дань. Но много лет этого не делают, недоимки достигли немыслимой суммы. Мы их предупреждали несколько раз. А они пренебрегли нашими предостережениями, хотя, как нам известно, ежегодно отправляют в Китай до 50-ти караванов с драгоценностями.

– Ну, это ваши счёты с ними. А у нас свой договор. Не можем же мы его нарушить. Это для нас свято, – твердо стоял на своём командир сотни.

– Наши части уже в городе, – соврал Батамай. – Поэтому от вашего упрямства, кроме вреда самим себе, толку никакого не будет. Нас много и мы сильнее. – И добавил последний довод: - А главное – мы хунны...

– Мы знаем о вашей силе. Вы серьезные противники...

– Тогда что же упираешься? Неужели ты – старый вояка – поведёшь своих молоденьких ребят на верную гибель?

–Что делать... У нас договор. Не можем мы его нарушить. Договор заключил – о голове не принято думать...

– Да что ты талдычишь одно и то же! Ведь о людских головах речь ведёшь... не бараньих. К тому же, я уверен, что и вам они вряд ли все оплатили сполна, как прописано в договоре... так? Признайся!

– Да есть такое... – вдруг покраснев, еле выдавил старый сюняй. – Так, конечно. Плату почти за полтора года они нам задолжали. Но все равно оставлять их в беде нехорошо, нечестно будет...

Было видно, что он впервые с начала разговора засомневался, и Батамай поспешил воспользоваться этим:

– И после всего этого, когда они все свои обязательства нарушили в одностороннем порядке, ты говоришь про договор? Всё! Иди, отведи своих мальчишек подальше и жди. Мы ведь не завоеватели, – еще раз повторил Батамай, – а просто приехали за долгом. Свое возьмем и, никого не тронув, уйдем. Ты же защищать от нападения должен. А мы не намерены воевать. А твою задолженность я тоже вытребую у них и отдам тебе в точности.

– Не было так никогда... Неправильно это. Нехорошо как-то получается...

– Всё, хватит попусту болтать, время дорого. Дай руку, – Батамай схватил руку ошеломленного этим воина, изобразив неожиданное их рукопожатие. – Неуплата в срок делает ваш договор недействительным. Ты имеешь полное право уехать. Но этого и делать не надо. Просто отойди на кёс и подожди. А мои люди принесут тебе задолженность Саратая перед вами через два-три дня.

* * *

Батамай, неожиданно даже для себя вырвав столь нужное перемирие с охраной, стал сильно сомневаться: не превысил ли свои полномочия, обещав вытребовать у саратаев долг наёмникам, ещё не зная, удастся ли получить и свою-то сумму сполна... да, пока еще ничего неизвестно. Но слово сказано, обратно его не вернешь – и теперь только вперед! Каким-то способом надо успеть захватить казну саратаев.

Когда понурые кочевники отошли на север, Батамай повел войско на город, но все же на всякий случай оставив сотню для охраны с севера: вдруг наёмники надумают вернуться?..

Улицы города были пустынные и спокойны – ни паники никакой, ни беженцев. Люди явно ничего не поняли, и даже когда по улицам проскакали конные отряды, они ничего дурного не заподозрили, приняв их, видимо, за своих наёмников. Внутренняя охрана, состоящая всего из одной сотни и призванная следить за порядком в городе, была заблокирована возле здания управы. Они и не думали сопротивляться, просто привычно подчинились новым хозяевам.

Полностью разоружать их Батамай не стал, изъяв только луки и стрелы и оставив ножи, сабли и копья. Когда они построились, их оказалось всего сто двадцать три человека. Ни одной лошади у них не имелось, только несколько верблюдов и десятков ослов.

Батамай, подумав, решил рискнуть и послал за саратаевскими начальниками самих же охранников. Отпустив их, стал ждать, хотя было и сомнительно: не ударятся ли в бега посланные?

Но, к великому его удивлению, все до одного вернулись и привели перепуганных чиновников. Видимо, сработало привычное желание выслужиться перед новыми хозяевами.

Батамай, довольный собой, тут же послал вестника-гонца к кёс-сёгуну. А увидев на лице начальников следы насилия, сразу же при всех сделал замечания охранникам, объяснив, что следует уважать власти города, которые в тяжёлое время остались на своём посту, и проявлять должную учтивость при общении с ними. В то же время, как бы невзначай, поинтересовался, много ли задолжала им казна. Вопрос этот не оставил охранников равнодушными, и по лицам их было видно, что с приходом новой власти у них появилась надежда получить заработанное.

Тем временем торжественно прибыл сёгун. При нем открыли хасыну¹, но, к сожалению всех сторон, она оказалась совершенно пустой.

– Как же это так? – изумился Батамай, уже обещавший крупную сумму наёмникам.
– Как может государство существовать без каких-либо накоплений на черный день?

– Значит, может... – хмуро отрезал Турар, поглядел на чиновников, понуро свесивших головы, и добавил, повышая голос: – Вот так и может! Но только в одном случае: если этим государством правила шайка воров!..

Главный казначей, опасаясь немедленной кары за содеянное им, поспешил смягчить положение оправданием:

¹ Хасына – казна, хранилище.

– Мы недавно отправили в Китай двенадцать караванов... да, по сотне верблюдов с золотом и драгоценностями. И со дня на день они вернутся с товаром и деньгами...

– Я что-то очень сомневаюсь в этом – при том, что хотелось бы верить тебе...

– Тогда что будем делать с этой шайкой? – как бы между прочим спросил Батамай.

– Наказать сначала или сразу... ну, того?

Чиновники замерли в страхе, ещё ниже опустив головы. Но сёгун не спешил с ответом. Он стоял, отвернувшись ото всех, и грозным должно было показаться виновным его молчание. Подождал еще немного и решительно повернулся к ожидавшим своей участи бывшим начальникам:

– Мне поручено могучим саархааном взыскать с вас недоимки за три года, а казна разворована. Кем? Надо полагать, вами лично. И что мне делать? Поручение надо выполнять. Прежде всего, я приказываю взыскать наворованное с вас самих и ваших родственников. Затем придется обложить единовременной данью всех наиболее состоятельных людей. Поэтому, господа начальники, возьмёмся за дело. А пока всех освобождаю... каждого с нашей стражей. И быстро за работу! Начнем со списков.

– И купцов бы обложить... – вставил Батамай, помня о своем обещании наемникам.

– Я думаю, с купцами подождем. Именно они кормят и одевают народ, – нахмурившись, сказал сёгун. – Разорим их – совсем беда будет. С них мы попросим, скорее всего, добровольные пожертвования...

Батамай озадаченно почесал затылок: сам он, конечно, до таких тонкостей не додумался бы. Выслушавшего и понявшего приказ сёгуна, его теперь заботило другое: как сюняю наёмных войск вернуть обещанное... А выходило, что сделать это очень непросто, не мог же он знать, что хасына совершенно пуста... И никак ему не могло войти в голову, что такое богатое государство, основным делом которого был сбор налога с добытчиков золота, серебра и драгоценных камней, вдруг окажется нищим. Надо же так провороваться, чтобы несколько лет подряд держать казну совершенно пустой...

Когда после нескольких робких попыток он все же признался Турару о своем обещании, тот молча и укоризненно покачал головой, потом со вздохом сказал:

– Ну что же делать, если дал слово хунна. Сам обещал, самому придется и выполнять, иначе нельзя. – И смех и грех с этим наивным как мальчишка стариком, усмехнулся про себя Турар и добавил: – Но только после сбора недоимки для саархаана.

– Ты сказал! – бодро ответил Батамай и про себя подумал: «Очень хорошо. Я с них семь шкур спущу, но обещанное выполню, не быть мне мегенеем!..»

19. Саратай сдаётся

Наконец-то поняв, что в город вошли грозные войска хуннов, жители Саратая наглухо закрылись в своих каменных домах, любопытно глаза через крошечные окна и отдушины.

Оказывается, каждая состоятельная семья, привыкшая надеяться в первую очередь на себя, имела свою вооруженную охрану, человек по десять, а то и двадцать порой. У особо же обогатившихся были настоящие боевые дружины. Поэтому взять налог с них мирно не удалось, некоторые оказали яростное сопротивление. Турар, зная, что хунны не умеют воевать в тесных городских условиях, не стал трогать забаррикадировавшихся и

привычных к такого рода обороне саратайцев. Глупо потерять в таких стычках даже самую малую часть своих воинов, этого он допустить не мог.

Решение пришло, откуда не ждали. Умасленные доверием Батамая саратайские квартальные охранники сами предложили свои услуги, и помощь их была одобрена. Турар уже не удивлялся тому, как ходко пошло дело. Саратайцы так старались, что хуннам даже пришлось сдерживать своих слишком рьяных новых союзников. Они были беспощадны к своим же землякам и вчерашним хозяевам, перед которыми в свое время, возможно, так же рьяно выслуживались и пресмыкались.

Турар прекрасно понимал, что происходило вокруг, слишком хорошо изучив породу этих людей, вышедших из преступной среды. К сожалению, принимая их помощь, на них всё же нельзя было полагаться ни в чем. Свирепость и жестокость у них показные, и только ощущая нешуточную поддержку толпы, они становятся такими решительными. А как только останутся один на один с опасностью, то тут же превращаются в истеричных бездумных паникеров и трусов.

Турар точно знал, что человек, которому кроме награбленного нечем больше дорожить в жизни и у которого, значит, и святого ничего нет, - такой не способен на поступок ради нематериальных благ. Подвига без самопожертвования не бывает. А жертвенность во имя процветания семьи, рода, государства – высшая добродетель хунна.

По распоряжению сегуна Батамай держал при каждом их отряде своих людей, они руководили ими, вмешиваясь при необходимости и одергивая, не допуская зверств и убийств. Это, конечно, не нравилось бывшим надзирателям, но они были приучены признавать безоговорочное превосходство силы. С каждым днем становилось всё яснее, что ни о каких постоянных впоследствии отношениях с ними и речи не могло идти. И дело тут было вовсе не в верности хуннам, вовсе нет... Они просто не знали, что это такое - верность. Этот народец, как только почувствует слабину, сразу же покажет звериный свой оскал. И неважно, что совсем недавно они жили с тобой по одним правилам или даже душа в душу. Подлая их и предательская сущность рано или поздно выйдет наружу...

Тем временем, пользуясь нарастающим общим беспорядком, поднялась волна разгула и мародерства. При первой возможности грабили и убивали слабых и беззащитных. И народ тут же бросился к хуннам, прося у них защиты и требуя принятия самых суровых мер против мародеров.

Хуннам это было на руку. Они только попросили жителей оказать содействие и указать виновников, заодно и растратчиков казны. Пойманные тут же за два-три дня мародеры были прилюдно казнены. А тех немногих, что попытались убежать, чуть позже настигли в пустыне, на месте расправившись с ними. После этого народ проникся к хуннам доверием, и когда жителям Саратая объяснили об их задолженности, они вызвались собрать нужную сумму сами.

Как ни удивительно было, но это удалось им за несколько дней. Видимо, народ тут был всё-таки очень зажиточен. Да и войны никто не хотел. В общую сумму, по настоянию Батамая, был включен и долг перед наемниками, уступившими Саратай без боя. Поэтому все вроде бы остались довольны.

Когда войска собрались покинуть город, саратайцы, большей частью обычные жители, стали умолять их остаться, боясь, главным образом, своих же квартальных охранников-надзирателей. Но это никак не входило в планы хуннов, хотя сёгун и сам понимал, что может случиться после их ухода, по опыту прошлых лет знал. Хунны

показали им свою силу, и они присмирели. Но, почувствовав волю, они вернутся к своим старым обычаям, которые точнее всего надо бы назвать безобразием и распущенностью.

Ратному человеку все вопросы в чужих землях лучше решать быстро. Стоит только хуннам задержаться, сменив кочевой образ жизни на оседлый, и местные жители сразу начнут их втягивать в свои дразги и раздоры.

Поэтому опытный сёгун был неумолим. Но уходя, он неожиданно для себя решил хоть ненадолго облегчить жизнь местным жителям, с такой охотой помогавшим ему при выполнении приказа саархаана. Правда, решение его во многом шло вразрез с воинской логикой: он замахнулся меч свой на квартальных охранников-надзирателей. Обвинив с помощью жителей наиболее злостных из них во многих преступлениях против собственного народа и в связях с мародерами, он приговорил негодников к смерти, что и было исполнено немедленно.

Тяжеловато было оттого на душе Турара, но это не могло отменить взятых на себя обязанностей. Собрал бывших чиновников, прятавшихся по домам, и приказал исполнять им свои властные полномочия до назначения нового правителя. Понимал, конечно, что оставляет их почти на неограниченное ничем господство над людьми, и что они обязательно сделают всё, чтобы вернуть себе за счёт ограбления жителей отданное хуннам богатство... Нехорошо получалось, но иначе было нельзя. Не оставаться же им, в самом деле, здесь до выборов нового правителя!

Сегун хотя и заимел на душе несколько тяжких для неё, претящих ей деяний, но уходил из Саратая с уверенностью в выполненном долге. Главное сделано, он выполнил задание саархаана наилучшим образом, собрал недоимки без всяких воинских потерь. И это можно было считать настоящей удачей.

Жалко было только несчастных жителей Саратая. Теперь им в очередной раз надо обустроивать, как-то организовывать свое государство. Конечно, сёгун порядком очистил их ряды от мародеров и продажных охранников, но им еще очень долго не удастся стать единым народом. Хотя одно удивительное открытие он для себя сделал: саратайцы по мере всех сил стараются им, настоящим народом, стать... Вот уж не ожидал от этих вроде бы полубандитов.

Народ – это общая, не менее чем вековая история, но ещё и единое видение своего будущего. А они настолько разнородные и разбродные, что пока даже и в мелочах не могут прийти к общему мнению, а уж тем более в главных своих расхождениях. Вот и говорят чуть ли не на семи языках – и скоро ли между собой договорятся? Ох не скоро...

Их, съехавшихся сюда со всех концов света, пока объединяет только корысть, жадность и жажда обогащения – и ничего другого. Видимо, их ждет печальное будущее, полное страданий и потерь. Как ни грустно об этом думать, но так оно и будет...

20. Возвращение домой

В этот раз Турар особенно остро почувствовал, что с годами многое меняется и в мире, и в нем самом.

Каждое возвращение домой – как заново открытие своей родины. Эта радость встречи с ней таится в самой глубине его существа. А в юности одно только ожидание возвращения делала его счастливым. И каждый раз это счастье было окрашено новыми тонами. Одно дело – стремиться сквозь прозрачные дали с осеннего похода, в начале

зимы. И другое – зелеными морями степей под бурный шум ещё не совсем вернувшихся в берега рек с весеннего похода, в самом начале лета.

По молодости гнала назад, ждала любовь матерей и сердечная теплота всей многочисленной родни. Со временем, по мере взросления, любовь матерей, не меняясь и не остывая, отходила на второй план, уступая первенство чувствам жен. А на склоне лет, чего Турар вовсе не ожидал, согревала и манила радость встречи с внуками.

Конечно, многое в жизни со временем обретает новые смыслы. Некоторые считают, что чувства с возрастом притупляются, но это неверно. Конечно, в начале жизни всё воспринимается ярче и острее, но с годами к этим впечатлениям добавляется глубина. Возникает не то что привыкание, а появляется более глубокое ощущение обладания самим источником бытия, неиссякаемого в своей щедрости и полноте, какое несёт тебя как полноводное течение могучей реки, охватывая тебя со всех сторон, вселяя и уверенность в себя, и веру в щедрость Всевышнего...

Как удачно вышло, что он, по совету У Хуана, отправился в этот поход, завершившийся теперь наилучшим образом. И сёгун на радостях не стал неволить истосковавшихся по дому людей. Желающих вернуться оказалось чуть ли не три четверти воинского состава. Он сразу отпустил их по своим стойбищам. Захватили они с собой и передовой обоз с собранным налогом. Остались с Тураром в основном старые опытные воины и юноши, любители рыбалки и охоты...

С ними сёгун и двинулся не спеша обходным путем, на север, чтобы пройти через горные нехоженые пастбища и нетронутые охотничьи угодья. Одной из задач такого выбора было желание откормить лошадей, отдохнуть наконец, ничем не ограничивая себя. Нечасто такое выпадает ратному человеку, чтобы вдоволь поохотится и порыбачить. Но в первую очередь, конечно, разослать во все предполагаемые стороны арбаны разведчиков, чтобы обнаружить пропавших паломников, Акола с поводырём. Ещё наводя порядок в Саратае, Турар уже послал две конные группы в наиболее вероятные направления.

Пожалел сёгун, что нет рядом Батамая, тот почему-то отказался от этой благодати и поспешил домой, как посмеивался вслед ему Турар – улаживать своих старух. У него же многочисленная семья, одних внуков, кажется, более сорока человек. Можно представить, сколько со всем этим у него хлопот...

Турар вздохнул, вспомнив внуков своих. Удивительное дело, но почему-то внуки оказываются старикам намного ближе детей. Теперь и не вспомнишь, как дети росли, да и не часто их видел в постоянных походах. А вот всякие трудности, выпавшие на долю внуков, знакомей и ближе потому, хотя бы, что к решению почти каждой сам приложил руку. Наверное, не у всех это так, но в его душе внуки занимают немалое и тёплое место.

Может, оттого это, что пришло время правильно подготовить внуков к службе, а их у него шесть парнишек, не считая Акола. Им обязательно во многих краях страны побывать следует, пожить внутри различных родов и племён Ила. Пусть узнают всё изнутри, как бы уютно им не было в ставших привычными местах и неуютно в других, они всё должны принимать стойко и терпеливо, а не тащится на поводу своих ощущений, с чем излишне считаются их матери и тётушки, видя в них не мужчин, а детей.

Молодой военачальник должен познать службу во всех видах и подразделениях войск, испытать на себе характеры и нравы самых разных народностей и племён, научиться ладить со всеми, и только тогда он станет успешным командиром.

В это время очень важно удачно подобрать мальчикам тэнсиков¹. И менять их, чтобы юноши не слишком привыкали к наставникам, а те не начинали угождать молодому начальнику. В жизни им придётся идти рука об руку с разными людьми, порой не очень удобными и приятными. И все поставленные задачи надо научиться решать с теми, кто в этот час рядом. Не всё и не всегда будет так, как тебе удобно и приемлемо, поэтому умение приноравливаться к любому создавшемуся положению обязательно пригодится, а то и жизнь спасёт. С опытом жизненным ведь так: чем труднее в молодости, тем спокойнее в зрелости.

Всё же с молодыми намного проще: если даже где-то в воспитании и был допущен перекосяк, то многое можно по ходу исправить, ибо они все на виду, о них деду постоянно докладывают и сами тэнсики, и другие наблюдатели.

А вот с девочками куда сложнее. Их воспитанием занимаются одновременно все: бабушки, матери, множество тетюшек и старших сестер. И его совсем к этому делу не подпускают. Но главный вопрос – о замужестве – заставляют решать тебя, хотя ты же почти совсем внучек своих не знаешь. Сколько раз он отказывался от этой сомнительной чести, но бабушки неумолимы – решай... Но к правильному решению, конечно, сами его подводят подробными рассказами о женихах и их родах. Тут уж они знатоки хоть куда! А всё потому, что подбор будущих родственников – дело слишком серьёзное, ведь от этого зависит судьба всего потомства.

Да, с мальчиками всё проще, у них будет по несколько жён. А вот девочкам дай бог один-единственный раз замуж выйти. И тут приходится полагаться только на Всевышнего Тэнгри, на всемогущество его, всезнающую мудрость, всевидящее око. И пусть он никогда не отворачивается от нашего рода и продолжает вести нас и потомков по верному пути, унаследованному от предков, подсказывая там, где сочтёт нужным или предопределённым. Ибо кто мы без него? Без его водительства люди сразу превращаются в животное, в червей, которые размножаются сами по себе – случайно, без провидения и цели, то есть без судьбы.

Оставаясь здесь, в предгорьях, он куда как хорошо знает, что дома его давно ждет множество уже накопившихся неотложных дел... Скоро начнут посылать одного за другим гонцов-порученцев, якобы с домашними новостями, а на самом деле с намеками, что пора вернуться... Но нет, они не вполне понимают, зачем он здесь. Исполнив повеление саархаана, он ещё не выполнил своего личного, главного задания – найти и оберечь в паломническом пути внука, о каком беспрестанно болит его сердце и не забывает в сосущей тревоге разум.

21. Взгляд со стороны

После малоприятного общения с саратайским сбродом Турар в очередной раз как бы со стороны посмотрел на свой, родной хуннский народ, состоящий из десятков родов, спаянных воедино не только общими помыслами, но и самой историей, насущными заботами, участием в войнах и даже противоречиями, разрешёнными к общей пользе. Несмотря на существенные различия, хунны в общей массе вызывают у стороннего наблюдателя уважение своей скромностью и порядочностью – может, потому, что дисциплина впитывается ими с молоком матери и поддерживается всем строем их жизни.

¹ Тэнсик – (здесь) воспитатель, наставник.

Эта похожесть при явной разнородности и делает их единым народом. Печалит другое: даже этот монолит разъедается некоторыми пороками, и всё из-за того, похоже, что в течение нескольких поколений хунны живут не просто в достатке, а намного лучше всех соседей. Греховные помыслы поначалу только бередили их души, соблазняли, сманивали на излишнее или даже запретное, а затем и нравы начали меняться. Видимо, зря мы стремились всегда достичь большего – всё-таки предпочтительней, когда всего в меру. Любые излишества оборачиваются нередко бедой и несчастьями... почему так? Турар не знал, но теперь он стал понимать, что это главная, может, опасность для любого народа... Как ни странно, но не голод, холод и бедность, а наоборот, излишний достаток – главный враг. А отсюда чувство ложного превосходства над другими, высокомерие, чванство, гордыня, которые разрушают сознание, и дряблость благополучия, изнеженность, какие расслабляют тело народа...

Да, хунны стали могучими, благодаря пока не знающей поражения сильной армии, намного превосходящей по силе войска соседей. Но это пока... Не все понимают, что сила – не изначальная данность, она переменчива, преходяща и как урожай у китайцев, как полнотравие степи зависит от сезона дождей. Многие у них стали подумывать, что они просто по праву рождения изначально лучше других, раз так их всех превосходят в силе и достатке. Опасно именно это, ибо люди приучаются свысока смотреть на незадачливых бедных соседей, загнанных в угол обстоятельствами и нуждой, из-за этого подобострастно прогибающихся перед ними. Они не понимают, что все это временно, если не прилагать усилий по поддержанию лучших традиций, и успели забыть, что когда-то и с хуннами положение было не лучше.

Главный их довод – армия. Но и у хуннов такая армия возникла не сразу, а была создана и совершенствовалась под руководством мудрых саархаанов, стараниями нескольких поколений коневодов, оружейных мастеров и незаурядных полководцев.

Беда сокрыта до времени в том, что хуннский разношёрстный, как говорится в сказаниях, бело-красно-черноголовый народ-воин постепенно начал воспринимать победы не как результат общенародной деятельности, а как знак их личной исключительной доблести и прочих качеств, которыми они превосходят всех других.

Бедные хунны... Чистый, честный, добропорядочный и доверчивый народ. Они слишком быстро уверовали в свою исключительность, и всё потому, что еще не знают, насколько ощущение собственного превосходства опасно для них самих. Мало утешает понимание, что на их месте и любой другой народ проявил бы себя так же, возгордился. Слаб человек, и не вина хуннов, что теперь их народ переживает период достатка, довольства во всём, что его так и подмывает возвыситься над остальным слабым миром. А ещё хунны научились всякий раз объяснять свои военные и прочие временные удачи Высшей предопределённостью, как награду по праву избранности у самого Тэнгри...

Но так ли слаб весь остальной мир народов и государств? И разве может так быть у соседей вечно? Скорее всего, это только временная вялость, несобранность других племён, которые пока не могут или не умеют ещё дать достойный отпор нам.

Мало кто знает, сколько сил тратят полководцы на достижение совершенной организации хуннской армии, сколько ими выискивается и разрабатывается самых разных приёмов, методов и действий, усиливающих боеспособность и каждого воина-нукера, и каждого тумена, делающих армию единым целым. Пока сам не испытаешь на себе, трудно поверить, сколько сил тратят опытные и мудрые, чтобы с малых лет верно развивался дух

каждого в отдельности воина, а затем вливался в общий строй и усиливал собою общий дух армии. Именно в этом, прежде всего, корень успеха.

И разве понимают простолюдины, как непросто саархаану придерживаться определённой политики, исключая неожиданное бедствия и разрушительные, а потому никому не выгодные войны, как приходится сплачивать единомышленников, умирять в переговорах учтивым обращением возможных противников, искать союзников. Далеко не одним мечом достигаются победы, как многим теперь кажется. Да и победа меча – она коротка, не надолго.

И Всевышний порой жестоко пресекает зарвавшихся, направляя их на путь истинный или вовсе карая, но это становится понятным только по прошествии многих-многих лет, а то и десятилетий...

Вот семнадцать уже лет минуло со дня гибели сына, а с ним и саархаана Саламана... Тяжёлым ударом оказалась их гибель для всех племён Ила. В те дни совершали многочисленные моления и жертвоприношения везде, где обитали хуннские рода и племена: с берегов восточного океана до западных морей, с Тибетских нагорий до северных гор, неизвестно где заканчивающихся. Молили Тэнгри не оставлять своими попечениями хуннский народ.

Именно тогда впервые всем стало ясно: во всём надо знать меру.

Ясно-то, может, и ясно... Но беда в том, что никто не может объяснить, где эта мера, как постичь её и выдерживать. Каждый пытается определить её сам, своим аршином измеряя. Но благим результатом столь страшного события оказалось то, что народ тогда умерил свои помыслы и ограничил свои потребности, почувствовав неудовольствие Небес.

Но надолго ли запоминаются даже самые горькие уроки? Поколения меняются быстро, а с этой сменой, казалось бы, самые неизгладимые рубцы затягиваются. Не их вина, что молодые не всегда успевают перенять опыт предыдущих поколений, погибая в боях.

Вот у его двоих внуков нет отца, и никто не сможет восполнить им его воспитание. Вместе с ним к Тэнгри ушли его мысли, переживания, умения. Хорошо, конечно, что дед вырастил их. Но место отца в их душе пусто... С мгновения осознания этой пустоты не совсем уютно и жилось, и живётся им в мире.

Сейчас Турар уже знает, что человек по-настоящему созревает только к сорока годам. До этого его, даже облеченного высокими чинами и властью, надо постоянно учить, направлять и наставлять. А если дед уйдет в мир иной совсем скоро, то его юноши останутся полными сиротами и непросто им придется без наставника. Да и не всякий ратный человек доживает до зрелых лет. Останься в живых Арслан, сейчас всего тридцать четыре года ему бы исполнилось. И от этой минуты до сорока жил бы еще целых шесть лет, а его уже нет целых семнадцать лет. Место сына в сердце Турара не просто пусто, оно кровоточит незаживающей раной, омывается неиссякаемыми, миру не видимыми слезами. Недостает его и детям, их повседневные вопросы к отцу повисают в воздухе. То, что дед отвечает им – совсем иное, иного поколения. Отец, конечно же, ответил бы иначе, в чём-то и понятней, и яснее им. Но его наработанный опыт и жизненные воззрения находятся уже в иных пределах и недоступны сыновьям...

А доживи он до этих лет – как бы он гордился военными успехами Бабыра и как много нужного, необходимого воину успел бы ему передать... И как бы горевал о другом сыне, переживая вместе с ним слепоту глаз, но и удивляясь прозрениям Акола, его явному

предназначению к подвигам другим, для которых вынужден был бы отпустить в пустыню на поклонение неведомым святым местам...

Одно предположение тянет за собой другое... И, думается, у него обязательно родились бы ещё дети, братья и сестры Акола и Бабыра. Но нету этого и быть никогда не может... А для деда, живущего с памятью этих потерь, они – как, скажи, обрубленные пальцы, не то чтобы кровоточащие, но ноющие к любой невзгоде-непогоде, отдающие порой острой болью.

Но тут старый сёгун вдруг словно запнулся на одной мысли: если остались бы жить Арслан и саархаан Саламан до этих лет, то столько бы завоевали, покорили бы всех, кого надо и не надо... Всех, на кого указал бы дерзкий и властолюбивый саархаан Саламан. «И слава Тэнгри, что не случилось этого», – вздохнули бы многие, довольные, что обошло стороной хуннов такое сомнительное счастье и торжество.

Степной мир сегодня был бы совсем иной. Границы завоеваний пролегли бы по совсем другим и невообразимо дальним местам, и столь резкое смещение их частым гребнем пришлось бы по людским судьбам, принеся неисчислимы и долгие, на многие десятилетия, страдания. Да и кто знает, не наткнулась ли бы наша сила на силу иную, более мощную?.. Всякое бывало в истории, великие империи не раз рушились, погребая под собой всё своё великолепие, и слабенькие разрозненные племена вдруг объединялись, превращаясь в грозную военную машину...

Нет, никто не знает грядущего, кроме Всевышнего, и что ему угодно, то и происходит. А раз не случилось великих завоеваний, то значит и правда - «слава Богу»...

И что мы можем понимать в промысле Всевышнего? Даже грешно посягать на постижение смысла всего происходящего здесь. Надо знать свои границы и не пересекать их. Многие не понимают этого, а непонимание несёт с собой страдания и несчастья.

Наше дело – тихо проливать слезы и молча горевать о своих же несовершенствах, ни на кого не пеняя, никого не проклиная, а только умоляя Тэнгри быть благосклонным к роду и семье. Просить в какой раз, чтобы он простер свои благодеяния и на убогого слепца, ушедшего на поклонение святым местам, умолять, чтобы он поручил своим ангелам-хранителям неотступно присматривать за ним.

А то, что мы не смогли и, более того, побоялись запретить и таким образом воспрепятствовать его сумасбродному и опасному решению, значило одно: за его помыслами стоят не его личная человеческая сила и упрямство, а небесная, понимающая необходимость совершаемого воля.

Старому сегуну, всю зрелую жизнь повелевавшему могучей армией, выигравшему не одно сражение, очень неуютно, непривычно и, наконец, унижительно ощущать свою беспомощность и зависимость от такого рода вроде бы случайных обстоятельств.

Но делать нечего. Как бы он ни был могущественен, а не может простирать свои руки над всеми степями и пустынями мира, дотянуться бы до предгорий Куньлуна... Унижительно ему ощущать свою беспомощность. Но он – человек, а всякий из нас слаб, даже такой, как он. Обстоятельства намного сильнее людей, любая случайность может низвергнуть даже самого-самого в пропасть великого несчастья. Поэтому только и остаётся, что уповать на Бога. Всё в Его воле. О том и молит старый сёгун: «Отведи, Тэнгри, все несчастья, все случайные беды от моего слепого внука. Помоги ему дойти до Твоих святых мест...»

А по всем расчётам, пришла пора путникам-паломникам возвращаться. По всей ближайшей округе в две-три тысячи ли, где постоянно уже должны дежурить армейские разъезды-арбаны, им дано задание – находить и отслеживать передвижение паломников, и, если они появятся в их расположении, немедленно сообщить об этом. Но до сих пор нет никаких донесений. Значит ли это, что нигде они не появлялись? Или уже прошли, или ещё не дошли? Три месяца минуло с последнего известия, и переживания об их судьбе давно уже стало щемящей тревогой, полной самыми мрачными предчувствиями...

Лихие люди, рыскающие по горам и долам, могут наскочить на них – хотя с паломников и взять-то нечего, кроме одежды... И диких зверей там не меньше, чем разбойников. Могут напасть и медведь, и волки, а от змей и вовсе защиты не сыщешь, тем паче слепому... Совсем просто погибнуть в тех местах от жажды, не зная расположения источников воды, и от почти неминуемого голода. А без еды человеку усталости не одолеть. Да и всякое может случиться, не умрёшь от палящего солнца пустыни, так замёрзнешь от холода в горах...

Да ещё отправиться в путь с таким ненадёжным поводырём... Он сразу и всем, кроме У Хуана, не понравился, много говорит и мало делает, а ещё и какой-то скользкий, скрытный, всегда себе на уме. Такие люди, как правило, способны к предательству. Они подчас склонны рисковать и легко могут увлечься сумасбродными задумками. А что, если он бросит внука в пути? Убежит от какой-нибудь опасности, оставив того одного? Где тогда вообще искать внука?..

От этих мыслей некуда деться. И сделать ничего не можешь, просто надо сидеть и ждать – посыльных своих, известий... И как же досаждают это чувство беспомощности! Как бы ты ни хотел, но не в твоей воле повлиять на ход событий. Всё, что может случиться, произойдёт без твоего участия, против твоей воли. А ты, «многомогущий», ничего не можешь предотвратить... Ты – впервые бессилён. Ты единственный раз в жизни – никчёмён. И достигнув вершин воинского могущества, ощущаешь, что ничего в этом мире не зависит от тебя. Ровным счётом ни-че-го.

22. Навстречу северным ветрам

И всё-таки с чувством исполненного долга покидал Турар злосчастный Саратай, ведя войско на спасительный север, к прохладным горным пастбищам. Через каждые сорок ли оставлял караульно-разведывательные группы, которые должны прочёсывать всю округу, передавая сведения о любых замеченных перемещениях кого-либо по цепи.

Ещё до ухода из Саратая войска разделились. Немногие изъявили желание остаться в предгорьях. Но те, что остались, вызвали из орды свои семьи. А кто не захотел, тех отпустили домой во главе с мегенеем Батамаем. И доклад саархаану об итогах похода сёгун Турар поручил ему же, чем тот был чрезвычайно польщён.

А старый сёгун знал: появившись он сейчас в Главной Ставке, его уже никуда не отпустят. Тем более, что когда очень будет нужен – вызовут, не забудут. А так, как говорится, до топора – и полено отдыхает.

В предгорьях и на самом деле была благодать, для степняка-конника прямо-таки земной рай. Столько было здесь воды, травы, так пьянил удивительной лёгкости воздух – нет, настоящее раздолье для людей и лошадей, которые только что вырвались из жарких объятий горячих песков пустыни, где вся зелень давно выгорела, пересохли реки и озера, и даже дышать было тяжело оттого, что воздух был похож на песок, драл горло.

Правда, и земной рай не бывает весь год в одном месте, он постоянно перемещается. Да, наверное, и нигде на земле нет места, где бы круглый год было хорошо. Даже в пустыне наступают короткие периоды благоденствия. А в столь радующих сейчас предгорьях зимой такие суровые морозы и пронизывающие насквозь холодные ветра, что нет из-за них никому тут никакой жизни. Такие суровые дни лучше всего пережить на равнинах, скрываясь в оврагах и балках, где намного теплее и уютнее, чем на открытых местах.

Ратному человеку, даже долго прожившему Турару, за всю жизнь редко перепали такие славные райские деньки. И он всем существом своим впитывал эту ниспосланную небесами случайность, как подарок судьбы. Обыкновенно человек войны по необходимости пребывает там, откуда исходит главная опасность. А это всегда приграничные и чаще пустынные, безлюдные окраины, там почему-то обычно холодно, сыро или, наоборот, слишком жарко, промежуточного состояния что-то и не помнится. А к этому ещё и постоянная готовность ко всяким неожиданностям держат тебя в напряжении, и ты постепенно настолько привыкаешь к тревожному состоянию, что даже дома не сразу можешь расслабиться.

Странно, почему же тогда и от покоя устаёшь, если так мечтаешь порой о нём? Просто покой за годы почти непрерывной службы становится, похоже, настолько непривычным состоянием, что окунувшись в коротких отъездах в семейное лоно, начинаешь тяготиться нудностью мирской жизни...

Род занятия меняет под себя любого человека так же, как под молотом кузнеца кусок железа становится или подковой, или мечом. «Бедный, старый вояка, – укорил себя Турар, – на всё-то смотришь ты со своей искажённой, сугубо военной точки зрения. Для тебя человек с оружием – главный в этом мире...» Но так ли это?

С одной стороны, верно, ибо все блага земные, свою землю, свободу, благополучие государства только он и может отстаивать. Без него всегда грозит потеря независимости, чужое иго и рабство, а может даже и поголовное истребление твоего народа.

Но, с другой стороны, всю жизнь сводить к одной только защите, к войнам – это полная нелепость, тогда и смысл любого другого дела сведётся на нет. Хорошо, представим себе, что человек с оружием добился того, чего от него ждут: защитил свой народ от посягательств на его свободу и таким образом усилил государство, обезопасил его. А дальше что? Те, кто работает на земле, выращивает скот, рождает и воспитывает детей – разве не главные? И если они, так сказать, «второстепенные», то зачем тогда вообще нужен он, воин?..

Нет уж, одним мечом не проживёшь. Жизнь многогранна, а мечом, завоеваниями все дыры не заткнёшь, все потребности народа не обеспечишь. Меч, конечно же, помогает разрешить многое, но далеко не всё. Часто правители, увлекаясь воинским куражом, забывают об этом и в результате попадают впросак. Только кажется, что меч решает все вопросы быстро и надёжно. Например, он может отвоевать чужую землю, покорить соседний народ, много богатства принести в казну. Но с такого прибитку долго не проживёшь. Как говорят: доставшееся даром – не даёт приплода, быстро иссякает, расплывается. Надёжно только то, что делается своими руками.

А народ-победитель, привыкнув к дармовщине, развращается. Зачем ему заниматься тяжёлым каждодневным трудом, ожидать урожая, беспокоиться о пастбищах для скота и о здоровом приплоде? Ему легче дожидаться новой добычи, потому и начинает

требовать все новых и новых завоеваний. А это бесконечно продолжаться не может. Всякое греховное, несправедное дело, какими бы благими помыслами и оправданиями оно ни прикрывалось, имеет неприглядную оборотную сторону, разрушительную для самого завоевателя. И эта очень печальная и опасная истина открывается не всем и не сразу. Хочется воскликнуть: «Упаси, Тэнгри!.. Помилуй, Всевышний! Ты видишь алчность, жадность и чрезмерную нашу гордыню и можешь наказать в любое мгновение... Так смилуйся же и наставь на праведный путь свой народ!..»

Иногда кажется, что лучше быть завоеванным и в этом состоянии покорно переждать трудные для твоего народа времена, созреть в неволе, копить силы для будущих праведных свершений, чем ненадолго стать завоевателем и победителем, чтобы затем окончательно развратиться и опуститься... Не дай, Тэнгри, еще худшего – исчезнуть, бесследно раствориться во чреве других народов, в памяти бесконечных веков.

Жизнь нашего среднего мира переменчива. Но для тех, кто умеет взять от неё своим трудом всё необходимое, она чаще всего отвечает достатком и благополучием. Куда ни кинь взор – везде в природе достаток и довольство, изобилие так и прёт из земли – только собирай, выращивай, лови, столько зелени, рыбы и дичи... Но людям почему-то мало всего имеющегося у них, всё не могут они поделить землю и богатства её, всё им тесно в её просторах.

И, может, за это природа и сковывает холодом, заваливает снегом, морит голодом? А человек, не умея жить с ней в согласии, из последних сил продолжает терпеть и выживать. И, как ни странно, умнеет человек в конце концов именно от тягот. Казалось бы, от страдания он должен озлобиться, озвереть, выродиться вконец. Нет, наученный горьким опытом – он становится добрее, человечнее, честнее.

От дармового изобилия же, наоборот, в нем просыпаются жадность и подлость. От излишнего добра, от чрезмерного достатка он становится подобным животному, в нем просыпаются некие сатанинские начала. Вот возьми хотя бы Китай. Какая была богатая страна, и трудолюбивый, терпеливый народ работал не покладая рук. Но начали воевать друг с другом и довели богатый край до полной разрухи... зачем? Почему так? Никто не знает этого, кроме Создателя.

От нас сокрыто, похоже, самое главное, и нужно ли пытаться заглянуть за горизонт, чтобы увидеть эти сокровенные тайны? Надо ли? Стремление предугадать божественный замысел – это ведь тоже непростительный грех... А если ты даже увидишь и поймёшь законы действия сокрытого устройства, движущего человеческими судьбами, то где порука, что правильно воспользуешься этим открытием?

Недалёкому разумом человеческому существу, а по вселенским представлениям, в общем-то, мизерному существу, изначально по глупости своей погрязшему в грехах, лучше бы пребывать в тьме неведения и дальше, иначе заест его гордыня и тогда оно возомнит себя вершительницей судеб мира, равной Создателю...

Но если всё пойдёт по промыслу Вышних сил, то можно быть уверенным в благой судьбе человечества. Оно выживет, благодаря тому, что стерпит любые тяготы, переживёт все катаклизмы и беды. А нарушив волю Небес, обретёт оно изобилие и чрезмерный достаток, которые и погубят его в пресыщении, необузданных страстях и гордыни.

Турар сам как будто удивился таким необычным собственным мыслям, в каких раньше он себя, как говорится, и не подозревал... Наверное, неведомое ему прежде, а теперь постоянно томящее его чувство страха за слепого внука так внутренне перестроило, переродило все его мышление, что подняло из глубины души эти

непривычные для него самого думы и переживания. «Случись что со слепым Аколом где-то там, на далёких перевалах Куньлуня... и что тогда?» Он не ведал, что он тогда сделает, сотворит... И оттого порою не то что душа, но и всё тело содрогалось в ознобе опасности, предощущения несчастья... О Всеблагой! Отведи беду, прикрой своей всемогущей дланью Твоего свидетеля на земле, паломника!..

23. У Хуан – помощник командующего

Всю ночь шёл благодатный дождь. Утром облака рассеялись, выглянуло солнце, и капельки росы на каждом листочке засияли удивительным разноцветным блеском. Любуясь этой красотой, сёгун помнил и горячие песчаные пустыни, где несколько летних месяцев не выпадает ни капли дождя. По некоторым прикидкам выходило так, что следы его дорогого паломника, нигде пока в предгорьях не обнаруженные, могли затеряться именно там, в бескрайних песках...

И что делать, как помочь ему?

Что за сумасбродный для слепого замысел – идти почти наугад в пасть всевозможным опасностям и угрозам?.. Огромные караваны с вооружённой охраной и зрячими опытными проводниками – и те в этих гиблых местах пропадают бесследно, только кости находят в песках годы спустя. А тут – вдвоём, пешие, слепой с поводырём неразумным, и все их запасы – в заплечных котомочках... Если что, то не к кому и обратиться, на сотни ли вокруг ни души, а до Тэнгри и того дальше...

Акол обещал вернуться через месяц-полтора, а прошло уже почти три месяца, все сроки вышли давно, а его нигде нет.

Что же предпринять?

Невыносимо дальше ждать! А что, если они где-то недалеко пропадают без воды, без пищи, а то и в плен попали к разбойникам? Хотя зачем им нищий слепец и его поводырь? Им нужны только те, кого можно выгодно обменять как рабов... Но что, если узнают, что слепец мой внук и брат Бабыра? Допустим, признается в том поводырь, чтобы спасти свою жалкую жизнь, и тогда дело примет совсем иной оборот... Да их могут просто убить – походя, забавы ради. Разбойники люди трусливые, озлобленные на весь мир, от них всего можно ждать...

Краем глаза Турар заметил силуэт человека у входа в походный шатёр, вздрогнул от неожиданности: он был уверен, что оставался один на один со своими мыслями. Да, только У Хуан умел так бесшумно, незаметно проскользнуть, как тень, и оказываться рядом.

– Что, какие-то вести? – раздражённо спросил сёгун.

– Да нет, пока ничего...

– Я же не вызывал тебя.

– Мне показалось, что нужен буду, вот и решил поближе быть.

– Станешь нужен, вызову... и зачем пытаться предугадывать? И перестань красться. У божьего человека все действия сопровождаются каким-никаким звуком. Даже у птиц слышен шелест крыльев. Только нечистая сила бесшумно крадёт... Разве ты с нею?

– Это потому, что я стараюсь вам не мешать, не отвлекать зря.

– Не велика важность, если даже и услышу твои шаги...

– Да я это так, по привычке.

– Ну, хорошо. Что у тебя?

– Бабыр хочет с вами поговорить.

– Он же недавно вроде был с тобою здесь. И зачем он через тебя просит? Мог бы и сам сказать, я же не только сёгун, а дед ему, – уже с иронией над собой сказал он, вспомнив свой сон: «Не дед ты мне, а чёрный ворон!» - Или нет?

– Он хочет наедине с вами поговорить.

– Наедине? – удивился Турар, но в душе потеплело: наедине – это хорошо. После нового назначения Бабыр держится с ним только как подчинённый – отстранённо, сдержанно, лишнего слова от него не добьёшься. Что ж, правильно делает, так и положено.

– Да, наедине, а то вы все время встречаетесь только при людях, на наших совещаниях.

– Это хорошо, – с удовольствием произнёс Турар и, пытливо оглядев старого друга, спросил: – А как ты думаешь, о чем он хочет со мной поговорить?

– Ну, откуда бы мне это знать?.. – вдруг смутился бесстрастный китаец. – Я же простой помощник, а он хоть и молод, но уже мегеней.

– Не юли. Ты далеко не простой помощник, а помощник самого командующего. И, в конце концов, о многих вещах ты просто обязан знать. Ну что, о чем он всё-таки хочет говорить со мной?

– Ну, скорее всего, – чуть помедлив, уверенно сказал У Хуан, – о слепом брате, конечно, об Аколе.

– Почему так думаешь? Что-то знаешь?

– Да ничего особенного. Но я же вижу...

– Что ты видишь? Говори скорее, не томи.

– Вижу, как он мается, сильно переживает. Недавно он у себя собрал людей, знающих те места у Куньлуня. Наверное, хочет отпроситься у вас, сам хочет искать брата.

– Да, ты прав, пожалуй... Ладно, скажи ему, пусть придёт, а пока я обдумаю, как нам поступить...

У Хуан ушёл, а сёгун задумался: «Как быть? Конечно, надо что-то более действенное предпринять. Не сидеть же и дальше сложа руки, ждать гонцов. Но, с другой стороны, посылать единственного мегеня на поиски в этих диких местах – тоже не дело... Сначала определим еще раз направление поиска, попробуем встать на место паломников. Вернутся ли они по тому же пути, по которому ушли? Конечно, это разумнее, все же куда проще идти по знакомым местам. Тем более, что им не надо кормить лошадей, они же пешие. Но кто же знает, что взбредет в голову сумасбродному поводырю? Да и Акол – человек своенравный и малопредсказуемый...»

Турару всегда была неприятна даже мысль об унижительной зависимости от кого-либо вообще, кроме разве что саархаана, а тут он почувствовал себя как бы подчинённым решениям этого непонятного человечка Хойгура... и что может быть хуже?!

Всю жизнь он состоит на службе у саарханов и хорошо знает цену этой высшей зависимости. Это тяжело, но всё же объяснимо тем, что для хуннов он, Турар, – посредник между черным человеком и властителем Ила Усуманом – ставленником Всевышнего Тэнгри. А тут ты напрямую зависишь от какого-то проходимца-поводыря! И сколько бы ни думал в эти дни старый сёгун, всё начиналось и заканчивалось одним: от этого совершенно ненадёжного прохиндея зависит всё, чем ты дорожишь: внук, семья и её благополучие, все

твои надежды и чаяния... И будь ты хоть сто раз сёгуном, но при всех немалых твоих возможностях ты ничего не можешь сделать, чтобы предотвратить беду...

24. Старший в семье

Задумавшись о том, Турар не сразу услышал у двери шатра уверенные шаги сильного человека. Даже подумал в первое мгновение, возвращаясь к действительности: «Кто бы это мог быть такой?..» Но тут же и узнал шаги внука – да, шаги молодого, но уже облечённого немалой властью человека.

– Заходи, заходи... Говори, я слушаю тебя.

– Вы, наверное, знаете, зачем я пришёл... – почти церемонно начал Бабыр.

– Догадываюсь, дорогой. У меня у самого душа не на месте. Давно потерял покой и сон. И ты не поверишь, но в последнее время я узнал доселе незнакомое чувство – страх...

- Этим Турар попытался вернуть внука к чисто личному, семейному разговору. – Так переживать мне ещё не приходилось...

Но Бабыр словно не услышал его доверительного тона:

– Я пришёл к вам не как к дедушке, а как к сёгуну... Пришёл отпроситься. Хочу сам отправиться на поиски брата. Уже давно прошла пора возвращения, а их всё нет.

– Что ж, ты прав. Надо ехать.

– Махтал¹, – сдержанно поблагодарил Бабыр. – Но ведь я военный человек и не могу ехать просто так, без достаточного повода. А его нет. И как я поеду? Мне же надо захватить с собой два-три охранных арбана...

– И опять ты прав. Тут нужен веский повод... – Турар сделал намеренную паузу, всматриваясь в лицо внука, ожидая реакцию его, но тот дисциплинированно ждал. – И он у меня есть...

– Да-а?! – обрадовался Бабыр, и его всегда сосредоточенное лицо на миг осветила почти мальчишеская улыбка, редкая у него и в прежние годы.

– Да, Бабыр, можешь смело ехать, у меня есть весьма значимый повод. Дело предстоит крупное, поэтому я решил отправить в путь весь твой меген, с обозом, в полном составе.

– Вот хорошо! Я не мог и мечтать о таком решении. Тогда скорее надо ехать.

– Не горячись. Сначала обстоятельно подготовься. Жара в пустыне не вполне спала, до осенних дождей ещё далеко. Да и для начала поручения мои узнай. А их у меня целых два, и нешуточных, не надейся на лёгкие, внучек, – поддел его по-домашнему он. – Первое, надо найти Окуна – бывшего правителя Саратая, если он жив ещё, что сомнительно. А во-вторых, выследить и уничтожить разбойников, нападающих на торговые караваны. Мне докладывают, что отряды разбойников по пути в Китай стали нападать даже на хорошо охраняемые богатые караваны, чего раньше почти не случалось. Разграблены два каравана, третий еле отбился, говорят. Из-за этого в Саратае совсем худо стало жить. А им надо ещё и нам дань платить.

¹ Махтал – спасибо.

– Хорошо. Окуна я найду, если он, конечно, жив. А разбойников найти куда проще, их же много. Да они сами найдутся. Я их внезапно на первом же караване подкараулю и уничтожу.

– Этого сделать мало.

– Как? Я их, надеюсь, всех уничтожу.

– Уничтожать надо, но этого мало,– повторил Турар.–Ты уничтожишь «руки», «ноги», но не «голову». Останутся где-то те, кто ими управляет, и они обязательно вернуться на свой разбойничий путь, найдут других исполнителей. Прежде разузнай всё, не спеша разведай, установи их связи, найди тайники. Задача твоя – извести их под корень, чтоб не осталось у них возможности восстановиться.

– Даже родственников? А они-то чем виноваты? Зачем учинять расправы над невинными?

– Почему ты думаешь с жалостью о них, а забываешь о жертвах их нападений? Кто виноват в их несчастьях, не они ли сами? В разграбленных караванах пропало состояние многих родов и даже городов, жители которых, возможно, уже не оправятся никогда. Поэтому, если мы хотим искоренить зло, то надо, чтобы все ужаснулись от постигшей разбойников участи. Родственники и помощники сами, конечно, никого не грабили, но способствовали этому. Помогали грабежу и жили за счёт награбленного.

Бабыр сразу потупился, всё его воодушевление возможностями похода улетучилось от таких жестоких картин предстоящего. Ему совсем не хотелось становиться карателем, даже и вынужденно.

Очень хорошо понимал он внука и в душе одобрял его резкое неприятие этих карательных обязанностей. Но что делать, жизнь воина имеет много вольных и невольных обязательств... Ему вроде бы и рано ещё участвовать в таких делах, слишком он романтически настроен. Но теперь это единственный повод, чтобы направить его с войском на поиски брата.

«Мы сделаем иначе, – подумал про себя дед. – Когда главные разбойники будут пойманы, для карательных дел пошлем Батамая. Придется его, бедного, отозвать из его бабьего «рая». Он, конечно, выразит крайнее недовольство досрочным отзывом, но зато вверенной ему ролью главного вершителя судеб этих негодяев будет даже очень польщен. Знаем мы его слабость быть даже в незначительных делах главным...»

– Ладно, обязанности карателя я снимаю с тебя. Ты – выяви разбойников, поймай, посади в яму, а дальше мы решим, кому довести дело до конца,– постарался успокоить внука Турар. – А сейчас тщательно подготовься к походу. Меген разобьешь на двадцать-тридцать отрядов, которые скрытно займут удобные для наблюдения места по всем путям на речных переправах и горных перевалах. И следи, выжидай, не торопись схватить и сразу быстро расправиться. Главное – выявить организаторов, понять, куда прячут награбленное, определить связи, через которые сбывают добро. А для этого нужны выдержка, терпение, холодный расчет и умелые помощники, без этого никак. Поэтому командирами групп назначай лишь «холодноголовых». Всё ясно?

– Вы сказали, я услышал...

– Пойми и другое: это подходящий способ, не привлекая внимания к поискам брата, делать всё планомерно и всеохватно. Караванные пути проходят как раз с северо-запада на юго-восток. Ваши с Аколом пути, будем надеяться, обязательно где-нибудь пересекутся. Ты – делаешь своё дело, а я – своё. Некоторое время спустя я пойду на небольшом отдалении от тебя вдоль караванных путей, там расположено довольно много

мелких поселений. Это единственные места, где их могли заметить. Главное, выяснить направление, откуда и куда они держали путь. Тогда появится возможность их найти, если, конечно... – Турар запнулся, опять подумав о возможном печальном исходе паломничества. – Если повезёт.

– Я обязательно их найду.

– Уж постарайся. Твоя задача осложняется тем, что мы почти ничего не знаем. Разве это указатель – направление на Куньлунь? Хребет длинный, тянется он на сотни кёс, и мало кому известно, где именно находятся эти святые места. Повыспрашивай местных и об этом.

– Мне вообще непонятно, честно говоря, как слепой может знать место своего назначения и точно идти туда... – впервые так откровенно заговорил о брате Бабыр. – Поводырь-то у него только затем, чтобы выбирать ровный путь меж камней, не сбиться с тропки, если она есть. Главное направление хотел указывать ему Акол, даже описывал ему очертания дальних гор на пути к нужному перевалу. И я не понимаю, откуда у него это знание?

– Нам это неведомо, дорогой Бабыр... Я и сам постоянно думаю об этом, – старый сёгун печально посмотрел на внука. – В мире много таинственного. Ты всё отмечай, запоминай и не отвергай ничего, что кажется нам необъяснимым, но особенно-то не вдавайся в подробности. Это не наше воинское дело. Такие явления лучше обходить стороной и держаться подальше от попыток познания этих тайн.

– Помнишь, я рассказывал тебе, что в детстве он как бы совсем не чувствовал, что слеп. Мы всегда играли наравне. А когда играли в прятки, он точно указывал, за каким камнем я притаился...

– Думаю, он у нас великий человек, с отметиной самого Тэнгри... Вот по Его местам-то и пошёл.

– Странно, зачем Тэнгри надо, чтобы по его святым местам и следам проследовал именно слепой? – Бабыр по-детски изумлённо посмотрел на деда, который в ответ лишь потупил взор, поражённый, что внук почти дословно повторил его мысли: «Да, в какой уж раз вопрошаем - зачем? Для чего? Какой в этом смысл?»

– Это вопросы без ответов, внук. Нам многое неведомо. Нам дано лишь видеть и помнить: к Тэнгри люди шли и будут идти... – уверенно сказал дед. – А мы с тобой ратные люди и не должны особо вдаваться во все эти излишние сложности. Я ничего про это не знаю, но чувствую, что до добра эти знания нас с тобой не доведут. Мир для нас должен быть прост и ясен... Мы люди служивые, живем по приказу начальников, особо не рассуждая, ибо предполагается, что они, вышестоящие, ближе к Небесам и потому им видней, что и как. Полагаться на волю Тэнгри всегда надежней, чем на собственный выбор. Да и что там наша воля...

– Не всё мне понятно... Но буду стараться и всегда полагаться на Высшую волю, – почему-то с некоторым усилием, излишне напряжённо проговорил Бабыр. – А как с Окуном быть, если найдём? Это его мы хотим посадить на трон в Саратае?

– Это решит саархаан. И ещё... Будь очень осторожен... Внимание и ещё раз внимание. Разбойники народ непонятный, они не только люди без роду и племени, их действия порой сумбурны, их невозможно предугадать. По нашему разумению надо бы убежать – а они затаятся, правильнее бы нападать – а они вдруг исчезнут, разбегутся... Это не обычный воинский поход, законы которого ты более-менее знаешь, поэтому будь

всегда настороже. Не рискуй людьми и лошадьми. Придерживайся правила – «лучше выждать». Нам спешить некуда. Это они вынуждены быть как бы привязанными к караванам, рано или поздно появятся около, чтобы не пропустить. А тебе их нападение будет лучшим предлогом взять их с поличным. Затверди: осторожно выследить, подробнее расспросить, разузнать побольше, действовать внезапно – и тогда всё у тебя будет не наобум, а наверняка.

– Хорошо. Всё исполню.

– И помни ещё: мне давно надо бы уже в мир иной. Но Тэнгри чего-то медлит. Я стал очень стар, поэтому скоро вся ответственность за семью, за наш род ляжет на твои плечи. Да, возрастом ты молод, но после меня старшим в роду остаешься ты... Потому будь особенно сдержан. Понял?!

– Всё понял.

– И не забывай поручать всем разведывательным группам расспрашивать везде о бывшем правителе Саратая – Окуне. Просто ищи следы. Не надейся быстро его найти, это, уверен, нелегкое дело. Он опытный человек и если жив, то спрятался надёжно. Его поиски нужны нам и как возможность получения сведений об Аколе. Скорее всего, Окуна давно выследили и убили, как и всех его предшественников. Но ведь всякое бывает на белом свете...

После ухода Бабыра старый сёгун от навалившейся вдруг усталости как-то отяжелел душою, приуныл. Такое бывает, когда неожиданно покажется, что все надежды на более или менее светлое будущее улетучились в одночасье. И что, всё это унёс с собою воодушевлённый Всевышним внук, в том числе и всю его силу и уверенность? Весь его жизненный запал? И что же делать? Как дослужить, не уронить чести? Вся надежда на обещанную саархааном отставку...

Жили не тужили хунны по соседству с великим, богатым, но пока слабым из-за своей раздробленности Китаем. И, надо признать, они неплохо при нём устроились, в течение нескольких веков легко находили там то, чего сами сделать, вырастить или добыть не умели.

Турару много раз приходилось бывать в Китае, видел его в разное время и в разном состоянии. Видел огромные поля, засеянные различными злаками. Умеют китайцы обрабатывать даже горные склоны, немислимым образом получая и поднимая воду для увлажнения рисовых полей. А каких трудов и забот требуют туговые деревья, где разводятся шелкопряды!.. Нет, поистине великий и благодатный край, великий народ.

А теперь там разруха и голод такие, что трудно, невозможно ему даже представить. Не верится, когда собственными глазами видел иной, во всем великолепии богатый и плодородный край. Вот до чего доводят внутренние неурядицы и междоусобные войны! Неужели такие разумные люди - и не могли договориться?! Трудно в это поверить. А потому ох как зря, напрасно многие хунны, уверовавшие в своё превосходство над другими народами, воспринимают величие своё как данность, раз и навсегда дарованную им Всевышним.

*Перевод с якутского
Владимира Крупина.*